

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 1 (33). С. 6–20
Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 1 (33), pp. 6–20
<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-6-20>

Научная статья
УДК 81'272'38

Снова о «жанрах речи и языке речи»: что дала жанроведению лингвистика?**В. В. Дементьев**

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории
языка и прикладной лингвистики, dementevvv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Аннотация. Вторая статья цикла, посвященного проблеме связи жанроведения и лингвистики. В предыдущей статье обсуждался вопрос «Что дало жанроведению лингвистике?». Обсуждаются лингвистические методы, используемые в ТРЖ: традиционные для лингвистики, начиная с описательного метода и его позднейших разновидностей – структурных – и менее традиционные (компонентный анализ, метод непосредственных составляющих, генеративный метод, метод описания внешних и глубинных содержательных структур, метод семантических полей). ТРЖ рассматривается в связи с лингвистическими парадигмами. Наиболее существенным для ТРЖ признается поворот в лингвистике от изучения только языка к изучению речи, а тем самым – признание наличия особой речевой системности. ТРЖ рассматривается в связи с традиционными лингвистическими направлениями: синтаксическая теория и методика используются при исследовании композиции РЖ, лексикология и семантика – при изучении имён РЖ. Много внимания уделяется современному этапу, на котором новые направления лингвистики и ТРЖ возникают одновременно (интернет-лингвистика и интернет-жанроведение). Обсуждаются членение лингвистических дисциплин как в связи с речевым членением языка (структурным, диахроническим, функциональным), так и в связи с членением жанроведения (структура РЖ, классификация РЖ, социология РЖ, психология РЖ и жанровое мышление, когнитивные и культурологические аспекты РЖ), а также роль ТРЖ в членении лингвистических дисциплин на дедуктивные и индуктивные. Отдельно обсуждается роль в развитии ТРЖ некоторых конкретных лингвистов. Кроме того, кратко рассматривается связь жанроведения и литературоведения: они смыкаются в изучении художественных текстов и жанров.

Ключевые слова: жанроведение, лингвистика, речевые жанры, речевая системность, лингвистические парадигмы

Для цитирования: Дементьев В. В. Снова о «жанрах речи и языке речи»: что дала жанроведению лингвистика? // *Жанры речи*. 2022. Т. 17, № 1 (33). С. 6–20. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-6-20>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

About “genres of speech and language of speech” again: what has linguistics given to genre studies?**V. V. Demytyev**

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vadim V. Demytyev, dementevvv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Abstract. This is the second article in a cycle on the connection between genre studies and linguistics. The previous article discussed the question “What have genre studies given to linguistics?” This article focuses on linguistic methods used in speech genres theory: more traditional for linguistics, starting with the descriptive

method and its later varieties – structural – and less traditional (component analysis, the method of immediate constituents, the generative method, the method of describing external and deep content structures, the method of semantic fields). Speech genres theory is studied in relation to linguistic paradigms. The most significant for speech genres theory is the turn in linguistics from the study of the language only to the study of speech (discourse), and thus – the recognition of the presence of a specific systematic nature of speech. Besides, speech genres theory is analyzed in connection with traditional linguistic directions: syntactic theory and methodology are used in the study of the composition of speech genres, lexicology and semantics – in the study of the names of speech genres. The major focus is on the modern period when new areas of linguistics and speech genres theory emerge simultaneously (Internet linguistics and Internet genre studies). The article also discusses division of linguistic disciplines in connection both with the speech genre division of language (structural, diachronic, functional) and with the division of genre studies (structure of the speech genres, classification of speech genres, sociology of speech genres, psychology of speech genres and genre thinking, cognitive and culturological aspects of speech genres). The role of speech genres theory in the division of linguistic disciplines into deductive and inductive is also discussed. The article appreciates the role of several outstanding linguists in the development of speech genres theory. In addition, the author briefly touches upon the connection between genre studies and literary studies: in the study of literary texts and genres they converge.

Keywords: genre studies, linguistics, speech genres, speech consistency, linguistic paradigms

For citation: Dementyev V. V. About “genres of speech and language of speech” again : what has linguistics given to genre studies? *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 1 (33), pp. 6–20 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-6-20>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

1. Задачи статьи: постановка проблемы

Правомерность постановки вопроса «Что дала лингвистика жанроведению?» небесспорна. Этот вопрос может показаться, с одной стороны, противоречащим логике (с таким же успехом можно говорить о том, что дала лингвистика фонетике, семантике и др. своим частям), с другой стороны – избыточным: конечно, дала всё.

Мы полагаем, однако, что такая постановка вопроса не является ни абсурдной, ни избыточной, ни праздной. Мы уже ставили вопрос, что дало жанроведение лингвистике [1], тоже показавшийся неправомерным некоторым коллегам (например, недоумение по этому поводу выразил Л. П. Крысин в личной переписке), исходившим из того, что жанроведение – часть лингвистики. Мы же как раз считаем, что жанроведение не часть лингвистики, поскольку состоит из лингвистической и литературоведческой частей (это не единственная причина, но, полагаем, достаточная).

О задачах настоящей статьи: она является продолжением уже названной статьи «Что дало жанроведение лингвистике?», а точнее – в ней рассматривается второй аспект одной и той же проблемы связи жанроведения и лингвистики. В то же время настоящая статья не является зеркальным отражением предыдущей (для данной цели можно было бы просто перечислить все те же разделы, что и там, «с противоположной точки зрения», поскольку влияние одного на другое было же двусторонним): хотя влияние одного на другое действительно было в основном двусторонним, рассматриваемый здесь аспект – влияние

лингвистики на жанроведение – имеет существенное своеобразие.

2. Методика

С уверенностью можно сказать, что лингвистика дала жанроведению свою методику, точнее – множество лингвистических методов и методик, которые используются в теории речевых жанров (ТРЖ) на протяжении всего ее существования.

Среди них есть традиционные для лингвистики, начиная с описательного метода и его позднейших разновидностей – структурных (описание по парадигматическим и синтагматическим рядам, позиционный и дистрибутивный анализ, выделение формальных и содержательных оппозиций с разным количеством членов) и менее традиционные (например, компонентный анализ, метод непосредственных составляющих, генеративный метод, метод описания внешних и глубинных содержательных структур, наконец, метод семантических полей, очень активно используемый при описании вариантов жанров).

То, что может быть названо (несколько условно) речезанровой / жанроведческой методикой, не является одним из перечисленных методов, как и суммой всех или некоторых из них. При этом постоянно слышна и множится критика в адрес речезанровой / жанроведческой методики: за отсутствие четкости и строгости дефиниций, моделей, метаязыка, операциональной базы, сопоставимой с перечисленными и другими структурно-лингвистическими методиками, а тем самым – отсутствие пока возможности дать полную

и непротиворечивую картину речежанрового пространства [1–18] (и мы в настоящей статье не ставим задачи дать исчерпывающее описание современной жанроведческой методологии).

Причины кроются как в объективной сложности описываемого явления (с подобными сложностями сталкивается, например, дискурсивный анализ), так и в особенностях лингвистической методологии, использования ее для изучения речевых жанров (РЖ). Имеем в виду состояние лингвистики в России / СССР и за рубежом к началу изучения РЖ, т. е. в 1970-е гг., когда вышла статья М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров» и началось осмысление и данной работы, и собственно РЖ: с одной стороны – готовность теоретически и практически благосклонно принять бахтинские идеи, с другой – неготовность к этому. Эти отчасти объективные, отчасти субъективные факторы и будут рассмотрены ниже.

3. ТРЖ и поворот в лингвистике «к системности речи»

Как известно, в статье «Проблема речевых жанров» Бахтин много внимания уделил именно тому, что современная ему лингвистика, которую он определял как «сосюрсовско-виноградскую», не дала изучению жанров речи, т. е. ее критике. Пафос Бахтина состоял в том, что лингвистика должна была измениться, чтобы быть способной изучать жанры речи, – что и произошло, как известно, во многом под его влиянием, хотя и не при его жизни. В этой новой лингвистике жанры активно изучались, и она действительно очень много дала ТРЖ – несопоставимо с тем, сколько дала лингвистика предшествующая, добахтинская.

Действительно, лингвистика, с господствовавшим во время написания статьи Бахтина структуралистским подходом, не много могла дать для изучения жанров речи – как и для изучения речи в целом. Собственно, это и стало одной из причин масштабного кризиса структурализма, который уже ясно обозначился к времени написания статьи Бахтина. В целом лингвистика уже была в значительной степени ориентирована на речь, на изучение базовых единиц ее, которые описывались вполне традиционными лингвистами и часто очень напоминали бахтинские речевые жанры, хотя и без упоминания Бахтина: «высказывание», «фраза», «сверхфразовое единство», «диалогическое единство», «вопросно-ответное единство», «сложное синтаксическое целое» и т. п. Это «предбахтинское» состояние лингвистики подробно описано нами в [5: 109–115, 6: 17–33].

Разумеется, к такой перестройке лингвистики призывал и привёл не один Бахтин:

очень значимый этап исправления издержек и ограничений структурализма вызвал к жизни целый ряд новых, нетрадиционных направлений, одним из которых и стала ТРЖ. В середине – конце 1980-х гг. во многом это была «дань моде», и невозможно было предсказать, разовьется ли ТРЖ во что-то большее, чем «просто постструктурализм в лингвистике». Конечно, нынешнее состояние ТРЖ, при всех существующих недоработках и белых пятнах, по своей значимости никак не может быть сведено ни к одному лишь «постструктурализму», ни к «постпостструктурализму», ни – тем более – «моде».

Таким образом, для утверждения, что ТРЖ зародилась и выросла в недрах лингвистики, как логичное продолжение естественного развития некоторых ее новых (тогда) тенденций и направлений (поиск базовой единицы речи, прагматизация исследовательского аппарата) (подобно тому, например, как развились теория актуального членения в синтаксисе, лингвистика текста, психолингвистика, когнитивная лингвистика), есть основания.

А именно: ТРЖ родилась тогда, когда в лингвистике наметился поворот от изучения только языка к изучению речи, преодоление сосюрсовского положения об «отсутствии системы на оси времени» (т. е. речи), а тем самым – признание наличия особой речевой системности. Скоро стало понятно, что основа речевой системности – РЖ (это мнение сегодня разделяет большинство лингвистов речи, хотя и не все).

Закладывая основы для лингвистики речи, Бахтин ввел не что иное, как противопоставление «жанры речи ~ язык речи» – как два типа речевой системности: язык – модель виртуально-актуальная / инвариантно-вариантная, а тем самым – абстрактная, сухая, «мёртвая», тогда как речевой жанр – модель принципиально иная – «живая»:

«Речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [19: 181]. «Формы языка и типические формы высказываний, то есть речевые жанры, приходят в наш опыт и в наше сознание вместе и в тесной связи друг с другом <...> Речевые жанры организуют нашу речь почти так же, как ее организуют грамматические формы (синтаксические) <...> Говорящему даны не только обязательные для него формы общенародного языка (словарный состав и грамматический строй), но и обязательные для него формы высказывания, то есть речевые жанры; эти последние так же необходимы для взаимного понимания, как и формы языка. Речевые жанры, по сравнению с формами языка, гораздо более изменчивы, гибки, пластичны, но для говорящего индивидуума они имеют нормативное значение, не создаются им, а даны ему. Поэтому единичное высказывание при всей его индивидуальности и творческом характере никак нельзя считать совершенно свободной комбинацией

форм языка, как это полагает, например, де Соссюр (а за ним и многие другие лингвисты), противопоставляющий высказывание (*la parole*), как чисто индивидуальный акт, системе языка как явлению чисто социальному и принудительному для индивидуума» [Там же].

Конечно, Бахтин оставил лишь общую идею диалектической связи принципиально различающихся типов системности – языковой и речевой / речежанровой. Настоящее осмысление этих двух типов и их различий начинается только после Бахтина. В частности, составляются каталоги речевых единиц в сопоставлении с языковыми, изучается речевая парадигматика и синтагматика, включая процессы постепенной (речевой) стереотипизации формул с их последующим закреплением в языке, описывается динамика данных явлений, для чего разрабатывается специальный метаязык, делаются попытки придать ему формальный характер, а соответствующим описаниям – квантитативный (количественный), моделям инвариантно-вариантного типа (язык) противопоставляются модели прототипного типа (речевые жанры) (см., например: [20: 146, 14: 22–25]).

4. ТРЖ и лингвистические парадигмы

Доказав правомерность постановки вопроса «Что дала лингвистика жанроведению?», подчеркнем, что этот вопрос является в каком-то смысле и более естественным, и более простым, чем решавшийся в нашей предыдущей статье вопрос «Что дало жанроведение лингвистике?»¹. Жанроведение с самого начала, т. е. с момента возникновения и довольно длительный период начального становления, развивалось практически только лингвистами и под очень сильным влиянием лингвистики, понималось преимущественно как новое развитие актуальных тенденций и актуальных проблем лингвистики, что неоднократно отмечали лингвисты, историки науки (см.: [8, 10, 15, 17, 21, 22]).

Влияние лингвистики на жанроведение и сильнее, и заметнее, чем наоборот, просто в силу несопоставимости степени разработанности и объема данных наук. Но и обратное влияние немаленькое, причем особенно важно

и заметно оно именно в силу этой их «количественной» несопоставимости – ср. историю «бахтинского» направления в лингвистике (т. е. по сути собственно речежанрового).

Второй аспект жанроведения – литературоведческий – долгое время оставался малоразвитым, почти маргинальным: профессиональные литературоведы редко брались за речежанровую проблематику и до самого последнего времени не могут похвалиться большими достижениями. Впрочем, наметившееся именно в последнее время несомненное усиление их активности мы оцениваем однозначно положительно, как уже говорили в статье, посвященной истории журнала «Жанры речи»: «Необходимое замечание о литературоведческих статьях в “Жанрах речи”»: с одной стороны, их изначально было мало (только в последние несколько лет количество и доля их несколько выросли – что, конечно, может только приветствоваться); с другой – литературоведческие представления о структуре (художественного) текста довольно сильно отличаются от таковых в лингвистике, как и принятые в литературоведении формулировки. Вероятно, правильно было бы рассматривать их отдельно, но, во-первых, статьи, написанные литературоведами в русле ТРЖ (а не собственно литературоведения), все же не так сильно отличаются от статей, написанных в русле ТРЖ лингвистами (ср., например, статьи авторов-литературоведов, написанные ими для “Жанров речи”: В. В. Прозорова, В. Ю. Михайлина, И. Ю. Ивановиной, Н. В. Новиковой, О. В. Тимашовой, – и их же работы собственно литературоведческие); во-вторых, именно потому что литературоведческие статьи (пока) мало, их анализ совместно с лингвистическими в любом случае не даст сильных отклонений от общей картины» [23: 18]. (Мы вернемся к этому вопросу в п. 7 настоящей статьи.)

Нами в упомянутой статье «Что дало жанроведение лингвистике?» [1] и других работах [5, 6] также отмечалось, что жанроведение менялось в зависимости от текущей лингвистической парадигмы:

«Развитие теории речевых жанров в последнюю треть двадцатого века не было, конечно, свободно от общего состояния лингвистической (шире – филологической) науки и более активного развития отдельных ее направлений. Собственно, взаимодействуя с новым направлением науки, ТРЖ каждый раз раскрывалась в новых своих аспектах и гранях. Периодически появлялись работы, посвященные новым, не рассматривавшимся ранее аспектам речевых

¹ Допустимо также считать настоящую статью ответом В. А. Масловой, которая соответствующим пожеланием завершила свою концептуальную статью «Теория речевых жанров сквозь призму современной лингвистики», написанную как отклик на мою статью «Что дало жанроведение современной лингвистике?»: ««если» применить идеи перенесения знаний из одной области науки в другую: из теории множеств в математике – в лингвистику, <то> пространство может быть задано многими геометриями, но все они равны, предпочтительной геометрии нет. Научное пространство в лингвистике также задается разными теориями – от когнитивной лингвистики и лингвокультурологии до теории речевых жанров и коллоквиалистики. Все они вносят свой вклад в развитие лингвистики и позволяют исполниться совету В. И. Вернадского вести исследования по проблемам, а не по наукам. Поскольку ТРЖ – сравнительно молодая наука, но у нее большое будущее, поэтому дискуссии о путях ее развития совершенно необходимы. А обобщающая теоретическая статья В. В. Деметьева дает богатую пищу для размышления, только, думается, *более точным было бы название «Что получило жанроведение от современной лингвистики»* [18: 10].

жанров, у ТРЖ усматривали новые объяснительные возможности. <...> В целом такие явления свидетельствуют о здоровье науки: актуальности и динамичном развитии, хотя, к сожалению, названные попытки далеко не всегда приносили по-настоящему убедительные результаты и не всегда сопровождались по-настоящему адекватным осмыслением сущностной природы взаимодействующих в данном случае научных дисциплин, их индивидуальных объясняющих возможностей и специфики.

Известно, что нечто подобное (десятилетием-двумя раньше и, пожалуй, в более явном виде) произошло с теорией речевых актов, прагматикой, прагмалингвистикой. <...>

Если попытаться охарактеризовать развитие теории речевых жанров после выхода статьи М. М. Бахтина “Проблема речевых жанров” в наиболее общем виде, можно сказать, что, во-первых, теория речевых жанров очень значительно менялась вместе с общей научной парадигмой в лингвистике, однако практически при каждой новой научной парадигме ТРЖ была востребована.

Во-вторых, постоянно способствовала развитию каждого из новых направлений лингвистической науки и ТРЖ сама по себе, и выделение понятия речевого жанра (или сходных с ним речевых явлений) в качестве базовой единицы / одной из базовых единиц данной теоретической концепции.

Это верно уже по отношению к зарождающейся в двадцатые годы концепции М. М. Бахтина (книга Бахтина / Волошинова “Марксизм и философия языка”) и складывавшейся в те годы научной парадигме в лингвистике. <...>

В конце 1970-х, когда в СССР выходит первая книга Бахтина “без маски” со статьей “Проблема речевых жанров”, изучение речи в лингвистической научной парадигме в целом определялось: (а) советской / зарубежной коллоквиалистикой / методикой конверсационного анализа (для советской школы изучения разговорной речи этого периода, в частности, серии коллективных монографий “Русская разговорная речь” (Москва), характерен поиск особой речевой системности, отличной от языковой); (б) теорией речевых актов: как и лингвистика на Западе, российская лингвистика в это время успешно использует положения и методику прагматики и теории речевых актов Дж. Остина – Дж. Серля. В “постструктуралистской” лингвистике становится актуальным рассмотрение человеческого фактора в языке, компонентов коммуникативной ситуации и дискурса. В то же время эти внешнелингвистические исследования осуществляются с опорой на глубокое осмысление единиц и системных отношений, или значимостей, языка, присущее предшествующей – системно-структурной – научной парадигме.

Прежде всего через призму данных теорий тогда и была встречена концепция речевого жанра М. М. Бахтина: первые попытки ее практического использования отмечены значительным сближением ее положений именно с коллоквиалистикой и теорией речевых актов – тем более что для лингвистики речи этого времени характерна, с одной стороны, общая прагматикализация научного аппарата, с другой – поиск базовой единицы, в формальном

и особенно содержательном отношении превосходящей предложение / речевой акт (поиск ведется на пересечении общей теории коммуникации, коллоквиалистики, стилистики, прагматики, лингвистики текста). В получившей широкую известность статье А. Вежбицкой “Речевые жанры” (1997, первая публикация – в 1983 г. на польском языке) [2] отразилось именно это состояние лингвистики речи.

Отмеченные особенности в полной мере присущи и последующим этапам развития теории речевых жанров.

Так, к концу 80-х – началу 90-х положения ТРЖ подвергаются дальнейшей прагматикализации, методика теории речевых актов (отсюда – формальной логики) в жанроведческих исследованиях этого времени (генристике) господствует, в результате ТРЖ с неизбежностью становятся присущи все названные выше недостатки ТРА.

Примерно в это же время (в некоторых положениях – значительно раньше) концепция РЖ была востребована в функциональной стилистике, идущей, как известно, от В. В. Виноградова <...>. (Данный факт, кстати, доказывает, что идея РЖ сама по себе совсем не была антивиноградовской.)

К середине – концу 90-х годов, вместе с общей семантизацией и “когнитивизмом” лингвистических концепций в российской и мировой лингвистике, исследования по речевым жанрам тоже становятся все более семантическими и “когнитивными”, на первый план выходит содержательная сторона речевого жанра, а само понятие “жанр” в значительной степени взаимодействует и пересекается с понятием “концепт”. Показательно, что РЖ вновь становится (в другом смысле) базовой единицей (а) когнитивного анализа дискурса, (б) изучения коммуникативной компетенции и (коммуникативных) концептов, (в) национально-культурной (языковой и коммуникативной) картины мира, (г) портретирования языковой личности и (д) лингвокультурных типажей.

Дальнейшая семантизация научного аппарата лингвистики ознаменовалась, с одной стороны, усилением внимания к содержательной стороне языковых единиц, с другой – вовлечением в лингвистический обиход содержательных явлений сложной природы, которые раньше не подвергались систематическому изучению в лингвистике (манипуляция, (полиинтенциональный) намек, ирония и др. аспекты непрямого коммуникации). При лингвистическом изучении данных явлений вновь – в несколько другом виде – оказываются востребованными объясняющие потенции речежанровой модели» [6: 17–21].

Прошедшее после написания этого текста десятилетие полностью подтвердило тезис о влиянии актуальных лингвистических тенденций на жанроведение; в частности, в 2010-е гг. сильно активизировались интернет-жанроведение и корпусная генристика, о чем речь впереди.

4.1. ТРЖ и традиционные лингвистические направления

Собственно, следует сразу признать бесперспективными попытки собрать и систематизировать все направления лингвистики, релевантные для ТРЖ, – те, которые уже были использованы жанроведами с речежанровыми исследовательскими целями, и те, которые могут быть использованы таким образом: это будут едва ли не все направления лингвистики.

Синтаксическая теория и методика активно и успешно используется при исследовании синтаксиса (*композиции* по Бахтину) РЖ, **лексикология** и **семантика** – при изучении имён РЖ (особенно значимы, конечно, работы, где изучаются лексемы, прежде всего существительные и глаголы, в том числе перформативные, именующие или непосредственно речевые жанры, или речевые действия, соотносимые с данными жанрами, а также существующие в лексике и фразеологии языка / языков названия различных жанрово релевантных компонентов речи – соответствующих единиц, правил и норм, моментов системности и типизации).

Ср. в этой связи упорядочение соответствующей лексики в *цепочки речежанровой системности* «действие / акт ~ процесс / манера ~ роль / тип ~ тональность ~ жанр». Целая цепочка организуется *коммуникативным концептом* (далее – $K_{om}K$): это концепты, имеющие четкое композиционно-тематическое-стилистическое содержание, при этом зафиксированные в языке имена данных концептов являются или непосредственно именами речевых жанров, или их компонентов (стратегий, тактик и т. д.), или отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры.

В случае симметричной концептуализации заполняются все звенья цепочки (такие ситуации редки, особенно в случае заимствованных концептов). Заполнение звеньев цепочки лексикой может быть неполным и неравномерным, возможны «белые пятна», тоже разные для разных цепочек, возможно, наоборот, детализированное и многословное заполнение какого-то отдельного звена цепочки.

При реконструкции $K_{om}K$ на первый план может выходить **речежанровая типизация**, **действие** (коммуникативные и речевые акты), **процессуальность** (коммуникативные и речевые события и сложные события), **манера поведения**, **роль** в рамках данного типа коммуникации (например соревновательной или игровой) или сам социальный тип (точнее, его коммуникативное преломление – **лингвокультурный типаж**).

Соответственно в области имен данных $K_{om}K$ на первый план может выходить (как производящая основа при последующей словообразовательной деривации) **имя типажа** (естественно, это существительное), **речевого действия**: однократного (речевой акт) и длительного (и тогда это глаголы, соответственно, сов. и несов. вида), **имя процесса**

(существительное), **тональности** (наречие) или же непосредственно **имя жанра** (в этой функции тоже более вероятны существительные, чем глаголы, которые чаще именуют речевые акты).

Представляют большой интерес случаи, когда лексемы – имена для единиц, составляющих $K_{om}K$, а) относятся к разным частям речи и лексико-семантическим (лексико-грамматическим) классам; б) представляют собой оценочные, экспрессивные, образные, нелитературные слова, в) метафоры, г) неологизмы, в том числе: д) созданные по существующим / традиционным словообразовательным моделям; е) заимствования.

При рассмотрении оценочных цепочек (или оценочных звеньев неоценочных цепочек) наиболее принципиальным аспектом (и звеном цепочки) является **тональность**, которая практически всегда оценочна (причем эта оценочность может быть двух разных типов: с одной стороны – экспрессивность коммуникативного поведения (*возмущенно*), с другой – оценка, даваемая коммуникантам или одному из них (и жанру в целом) наблюдателем (*неискренне, фальшиво, злорадно, гнусно...*)).

Данная жанровая (жанрово релевантная) оценочность фиксируется в языке на лексическом уровне, при этом выделяются **оценочные лексемы**:

- 1) названия жанров (существительные) = оценка самого жанра (прежде всего «извне») (*донос, лесть, похвальба*);
- 2) глаголы – названия действий / РА (то же самое, но оценка несколько менее акцентирована (*кичиться, клеветать, подстрекать*));
- 3) оценочные характеристики жанра (или действия / акта в составе жанра – внутрижанровой стратегии и подоб.) – прилагательные, наречия: оценивается манера исполнения жанра, при этом:
 - а) общая оценка РЖ сохраняется и усиливается (жанр исполняется правильно): *задушевный, искренний, мудрый разговор по душам, высокохудожественный роман...*;
 - б) противоречит или противоположна общей оценке РЖ (жанр исполняется неправильно): *фальшивый разговор по душам, графоманский роман...*

При изучении жанров устной речи значимы **фонетические** и **фонологические** модели (первостепенную важность интонации для РЖ подчеркивал еще Бахтин); немаловажна и **морфология** (например, изучение лексических, грамматических единиц в связи с их ролью в образовании единиц иллокутивных; на фонетическом уровне – ролью интонационных структур в образовании иллокутивных актов разных типов и связей между ними в речи; морфология также позволяет решить вопрос об образовании перформативных формул, этикетных формул, значимых для этикетных РЖ, а также запрете на те или иные формулы), и **словообразование** (для лучшего понимания имён РЖ и не только их).

(Много конкретных лингвистических исследований, посвященных этим и другим про-

блемам лингвистического жанроведения, упоминается и обсуждается в п. 1.1–1.4 уже неоднократно упоминавшейся статьи «Что дал жанроведение лингвистике?» [1: 174–178].)

В то же время, если говорить не о потенциально (т. е. в теории), а реально значимых для ТРЖ лингвистических моделях, картина выглядит иначе: синтаксических и лексико-семантических работ по ТРЖ в десятки (если не сотни) раз больше, чем фонетических и морфологических.

При этом конкретные лингвисты и лингвистические исследовательские коллективы, занимающиеся РЖ, привносят в их изучение «привычные» для себя методы и модели, что совершенно естественно: так, А. Вежицкая на ранней стадии развития ТРЖ и осмысления работ Бахтина активно пользовалась своей методикой и терминологией семантических примитивов; Саратовская лингвистическая школа (В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротина, К. Ф. Седов) – методикой изучения устной речи (разговорной литературной, просторечной и диалектной); Волгоградская – концептов; Пермская – методикой функциональной стилистики, в частности, изучения научного стиля; Бохумская – фонемной статистики (автоматические программы), и т. д.

4.2. Современный этап: очень сильная связь и параллелизм

На настоящем этапе связь уже настолько сильна, что новые направления лингвистики и ТРЖ возникают одновременно. Так, практически одновременно – ок. 20 лет назад – возникли интернет-лингвистика и интернет-жанроведение, очень тесно связанные друг с другом (изучать языковые особенности интернет-коммуникации без учета особенностей жанра, пожалуй, невозможно, и попытки изучать их независимо от жанров вызывают критические замечания, например, при обсуждении диссертаций в диссоветах); похожим образом обстоит дело в изучении политической коммуникации, рекламной, медийной (например телешоу), которые хотя и возникли раньше, чем жанроведение, настоящее развитие получили, пожалуй, только вместе с ним (особенно в отечественной традиции): лингвистическая, дискурсивная структура этих типов коммуникации рассматривается практически всегда в связи со структурой речежанровой.

Ср. ряд докторских диссертаций, защищенных в последние годы, где в связи с РЖ и нередко даже непосредственно через них изучаются религиозные тексты [24, 25], медиатексты [26], официально-деловые тексты и документы [27].

Пожалуй, еще более яркий пример – изучение естественной письменной речи, которая,

понятно, существует не ок. 30 лет, как ТРЖ, и не ок. 20 лет, как интернет-лингвистика и интернет-жанроведение (и интернет-жанры), а гораздо дольше. Но объектом лингвистики ЕПР стала лишь в последние годы – при этом в неразрывной связи с соответствующими жанрами (точно так же большинство исследователей ЕПР сходятся в том, что изучать языковые особенности ЕПР без учета особенностей жанра невозможно) (Н. Б. Лебедева [28, 29], Т. Г. Рабенко [30]).

(См. подробную характеристику данной школы в [31: 255–256], где нами, с одной стороны, подчеркивались особенности методики изучения жанров ЕПР (прежде всего по сравнению с известной «анкетой РЖ» Т. В. Шмелёвой), с другой – принципиальная и даже главная роль РЖ в структуре и описании ЕПР.)

5. ТРЖ и членение лингвистических дисциплин

5.1. Членение лингвистических дисциплин в связи с речежанровым членением языка

Наиболее традиционное членение лингвистических дисциплин основывается на членении языка на уровни, единицы, аспекты (возникновение–история–структура–функционирование).

Дополнительное важное членение языка (а отсюда – и лингвистических дисциплин) – речежанровое: имеем в виду онтологическую (тоже структурную, функциональную, диахроническую) связь языка и РЖ:

Одна из важнейших функций речевых жанров – служить организации человеческого взаимодействия, «выпрямлению коммуникации». Выполнение одной только речевой системности – а она присуща практически любой речи – без участия языка есть непрямо коммуникация (в результате порождаются аномальные с точки зрения языка высказывания). В то же время существуют собственно неязыковые жанры – косвенные РЖ, многие из которых, впрочем, жестко формализованы (такие как *светская беседа*, *флирт*, *розыгрыш*), будучи ориентированы на единственную интерпретацию адресатом речи.

При этом в филологических науках именно естественный человеческий язык, обусловленный и мотивированный выполняемыми языком когнитивной и коммуникативной функциями, традиционно считается тем универсальным орудием, при помощи которого можно выразить практически всё. Речежанровая неязыковая системность тогда понимается как вторичные / косвенные способы выражения тех смыслов, для первичного и более точного выражения которых существуют «настоящие», основные средства – средства языка. Очевидно, что такое понимание РЖ необоснованно сужает границы данного явления: существует целый ряд смыслов, которые не могут быть переданы средствами языка даже в незначительной степени (это большинство

фатических смыслов, за исключением вежливости, художественные смыслы, а также не получившие формального выражения в условиях спонтанной коммуникации интенциональные состояния общения, сообщения и воздействия), но которые успешно «кодирует» речевая системность. (Подробнее см.: [32: 18–20].)

Вопрос связи языка и речевых жанров, о котором говорил еще Бахтин, речевая системность языка и отдельных языковых единиц еще далеко не до конца решен в лингвистике, поэтому соответствующее членение лингвистики недостаточно четко. Тем не менее, просматриваются весьма перспективные направления лингвистических исследований единиц разных уровней языка, учитывающие реальное или потенциальное речевое содержание данных единиц.

Ср., например, «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» (М.: Языки славянской культуры, 2004; под ред. Ю. Д. Апресяна), целый ряд статей которого (около 30) посвящен фактически именам речевых жанров (беседа, брань, «брюзжание», ворчание, высмеивание, «дерзость», доказательство, жалоба, извинение, капризничание, молва, мольба, оправдание, осуждение, порицание, похвальба, предсказание, «придирки», просьба, прощение, разрешение, рекомендация, слухи, совет, убеждение, уверение, угроза, укор, упрек, ябедничество и др.), и «Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика» Л. М. Васильева (Уфа, 2005), в котором выделяется обширная тематическая группа «предикаты речи» (глаголы и именные корреляты). Еще больше это касается словаря «Ответные реплики в русской диалогической речи» В. Т. Бондаренко (о речевом значении этого словаря см.: [33]).

В синтаксических, морфологических, фонологических исследованиях соответствующие единицы языка нередко изучаются в связи с речевым жанром, в рамках которого используются. Эти направления исследований используются для своих целей традиционными лингвистическими методами и разрабатывают новые, которые впоследствии заимствуются жанроведением.

5.2. Членение лингвистических дисциплин в связи с членением жанроведения

Конкретные лингвистические дисциплины и направления с интересующей нас точки зрения могут быть поделены на а) традиционные и новомодные; б) существовавшие до появления и развития дисциплин «высших уровней языка и речи» – лингвистики текста, дискурсивного анализа, ТРЖ – и после.

Наиболее очевидное членение лингвистических дисциплин на этом основании прямо выводится из членения жанроведения. (Хотя возможны разные точки зрения на членение жанроведения, наиболее традиционно в жан-

роведении выделяются разделы, соответствующие аспектам РЖ: **структура РЖ**: фонетико-интонационные, лексические, морфолого-частеречные, синтаксические, текстовые аспекты жанров; **классификация РЖ**: жанры разных степеней композиционной и стилистической сложности, жесткости, абстрактности; **социология РЖ**: наборы жанров в разных социальных группах, у разных типов языковых личностей; **психология РЖ** и жанровое мышление; **когнитивные и культурологические аспекты РЖ**: жанровая картина мира, жанры в разных национальных культурах.) А именно: какие конкретные направления лингвистики соответствуют (в той или иной степени концептуально близки или уже реально используются в речевых исследованиях) направлениям жанроведения.

Эти линии пересечения уже рассматривались нами – и в статье 2020 г. «Что дало жанроведение современной лингвистике?», и в более ранней статье 2009 г. «Аспекты проблемы «жанр и язык»: жанры речи и... «язык речи»?», где хотя и не говорилось непосредственно о связи лингвистики и жанроведения, но рассматривалась онтологическая связь жанров речи и языка (и впервые прозвучало выражение *язык речи*). Кратко повторим основные положения, высказанные в этих статьях:

(а₁) К наиболее очевидным лингвистическим аспектам жанров, успешно изучаемым при помощи лингвистических моделей, относятся пропозициональные (*локутивные* в терминологии теории речевых актов) особенности лексических, фразеологических, синтаксических единиц, из которых строятся жанрово оформленные высказывания, – иными словами, на первый план выходит изучение предложений, используемых в том или ином жанре речи: «<...> исследование речевых действий человека часто превращается <...> в исследование типов предложений – в особенности тех типов предложений, которые специализировались как орудия определенных жанров» [2: 101].

(а₂) Вторым по активности (но не по значимости) лингвистическим аспектом жанров речи стало изучение семантики лексем, прежде всего существительных и глаголов (в том числе перформативных), именующих или непосредственно речевые жанры, или речевые действия, соотносимые с данными жанрами (см. выше о К_{ом}К). Главным объектом исследования становятся существующие в лексике и фразеологии языка / языков названия различных жанрово релевантных компонентов речи – соответствующих единиц, правил и норм, моментов системности и типизации.

(б) Значительно ближе к сущности РЖ методика лингвистики речи / речевого жанра.

(б₁) Одним из наиболее активно развивающихся аспектов речевого жанроведения стал опыт функционально-стилистического изучения РЖ, имею-

щий наиболее прочные и давние традиции в Перми [14: 200–201].

(б₂) Важно, что данное направление – рассмотрение жанров с позиции «стиля» (в широком значении) – закладывает основу для изучения вторичных РЖ. Еще М. М. Бахтин писал, что вторичные РЖ «возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения», чем первичные РЖ, «сложившиеся в условиях непосредственного общения» [19: 161]. Сегодня доказано, что новая сфера общения всегда порождает вторичные РЖ [24, 34, 35].

(в) К речевым аспектам изучения РЖ относится также аспект риторический – ср. понятие *риторического жанра* и противопоставление риторических и речевых жанров; риторические жанры рассматриваются с точки зрения сознательного планирования речи [36–38].

(г₁) Изучение РЖ на основе теории и методологии лингвистики речи выводит на более общие проблемы существования и использования речевых жанров, изучаемые внешнелингвистическими дисциплинами – например, психолингвистическое изучение РЖ исходит из того, что «Порождение и смысловое восприятие речевых произведений (дискурсов) в разных коммуникативных условиях опирается на неодинаковые речемыслительные механизмы» [9: 12].

(г₂) Данный аспект связан с еще более общими когнитивным и концептологическим аспектами: подобно тому как в языке изучаются языковые концепты, в языке и речевой коммуникации изучаются концепты речежанровые [39], речежанровая картина мира [40, 41].

(г₃) Два последних аспекта представляют комплексную проблему «жанр и культура», изучение которой также осуществляется методами внешнелингвистической дисциплины когнитивной генетики.

(г₄) Один из важных аспектов проблемы «жанр и язык» – «жанр и языки» (хотя существует не меньше оснований считать, наоборот, проблему «жанр и язык» аспектом проблемы «жанр и языки»). Здесь на первый план выходят вопросы: как жанры ведут себя в условиях билингвизма / многоязычия, более или менее регулярных языковых контактов, взаимного влияния языков? Что представляет собой речежанровая интерференция? Что происходит с «речежанровой компетенцией» в сознании билингва (в частности, иммигранта)? (см.: [42]).

5.3. Роль ТРЖ в членении лингвистических дисциплин на дедуктивные и индуктивные

Взаимодействие лингвистики и жанроведения (в целом имеющего отчетливый дедуктивный характер), привнесение в лингвистику речежанровой проблематики вернули актуальность противопоставлению дедукции и индукции в лингвистике, к которому последние десятилетия скорее редко обращались лингвисты и историки науки.

Взгляд на отношения лингвистики и ТРЖ, который представляется наиболее естественным в сегодняшней научной парадигме, – лингвистика должна индуктивно, эмпирически заполнить лакуны изначально дедуктивной, априорной речежанровой теории.

Более существенным, однако, представляется рассмотрение речежанровых положений (первые и сегодня базовые речежанровые идеи появились в недрах лингвистики именно дедуктивно) в связи с другими лингвистическими положениями, которые долгое время разрабатывались тоже дедуктивно: (а) наиболее общие и фундаментальные идеи (главные языковые единицы и категории: слово, морфема, оценка, старое и новое, единичность и множественность); б) наиболее сложные и объемные единицы наиболее высоких уровней (текст и единицы его структуры и моменты системности, среди которых был и жанр)).

Поскольку сегодня методика речежанровых исследований по степени формализации несопоставима с традиционными лингвистическими моделями, среди лингвистов, особенно традиционных, ориентированных на индуктивные исследования, распространено скептическое отношение к ТРЖ. К сожалению, у них есть для этого некоторые основания. Нельзя сказать, что ТРЖ ничего не может дать для изучения традиционных лингвистических объектов: синтаксиса, лексики, морфологии, фонетики, – может (просто для того чтобы прямо использовать результаты и положения ТРЖ для данных целей, очень многое еще предстоит сделать), и все же пока что базовые положения ТРЖ даны лингвистике как бы «на вырост»: положения, что жанры речи управляют рождением и интерпретацией текста; что есть какие-то конкретные жанры (условные X, Y, Z...), а также их типы, – принимаются скорее дедуктивно, между ними и настоящим лингвистическим анализом языкового материала зияет лакуна, заполнить которую лингвистическим инструментарием и методикой еще только предстоит. «Происходит сдвиг от излишней формализации к выдвиганию нестрогих и непроверяемых положений. Многим современным функциональным исследованиям свойственны стремление сразу прийти до решения всех проблем без прохождения неустраняемых промежуточных этапов и отсутствие необходимого разграничения понятий», – пишет В. М. Алпатов о современных коммуникативных исследованиях в целом [21: 9]. Это не значит, конечно, что не надо пытаться заполнять лакуны уже сейчас: надо, пусть настоящие результаты – скорее в будущем.

Но, по нашему убеждению, ТРЖ уже в сегодняшнем своем виде может быть весьма полезна лингвистике (очевидно, что дедуктив-

ные модели могут быть полезны не менее, чем индуктивные, надо только разобраться, для каких целей какие модели следует применять). Думается, что сейчас это именно задачи более общего плана, которые в дальнейшем могут служить ориентирами для будущих более конкретных, индуктивных лингвистических исследований.

Подобно тому как, например, структуралисты не предполагали, что результаты их работы позже воспримут как материал для своих исследований и моделей типологии, точно так же структуралисты не предполагали, что результаты их работы позже воспримут как материал для своих исследований жанроведы.

При этом неусмотрение такого аспекта лингвистических исследований сейчас всё чаще считается его недостатком: стандартное представление результатов диссертационных исследований включает, с одной стороны, определение места данного исследования в целой лингвистической парадигме с проработкой по возможности многих релевантных для него аспектов, с другой – перспективы: так, часто считаются недостатками диссертаций даже не по текстовой / речевжанровой проблематике непроработка какого-то дискурсивного или речевжанрового аспекта и / или отсутствие предположений о возможной значимости результатов для теории дискурса / текста / жанроведения (см.: [1: 175]).

Конечно, есть и другие точки зрения на эту проблему: как уже было сказано, многие современные лингвисты-традиционалисты ориентируются на индукцию, умаляя значимость дедукции – а тем самым и ТРЖ.

Так, характеризуя современное состояние и ближайшие перспективы изучения коммуникации (в т. ч. РЖ), В. М. Алпатов утверждает, что здесь «вряд ли пришло время дедуктивных построений, пока что более перспективны ограниченные по масштабам индуктивные исследования, в том числе компаративные» [21: 11].

Не соглашаясь с этим утверждением В. М. Алпатова, мы в статье [43] пытаемся разобраться в логике учёного, приведшей к данному утверждению. Во-первых, он мог считать, что дедуктивный подход в науке сам по себе хуже индуктивного (и, следовательно, любое его использование есть «детская болезнь»). Основания считать так есть. (Собственно, они всегда были и всегда будут.) Есть основания и для того, чтобы полагать, что логика Алпатова именно такова: «я не утверждаю, что это не так, но как это доказать?» [21: 10] – весьма частотная формулировка, используемая учёным в аргументации. Исследователи, находящиеся на дедуктивных позициях (или хотя бы признающие право дедуктивного подхода на существование), такой аргументацией и такими формулировками, как правило, не пользуются. Но в этом смысле «время» для дедуктивного подхода, в общем, и не будет (и не бывает) никогда, поскольку дедуктивное обнаружение, установление или вве-

дение некоей новой сущности, закономерности или модели всегда будет несколько нелогично, неожиданно, интуитивно, всегда «не совсем» вытекать из уже накопленных и обследованных фактов.

В то же время несомненно, что такой подход в науке необходим. Иногда именно он по-настоящему двигал науку вперед в обстоятельствах, когда на это были не способны никакие индуктивные разыскания и описания. Как известно, вопрос о том, какая теория по-настоящему хороша: та, которая абсолютно строго следует за собранными и описанными фактами и только за ними, или та, которая дает объяснение максимально большому возможному количеству фактов, единиц, сфер, – остается открытым в науке.

Если эта первая гипотетическая причина того, что «вряд ли пришло время дедуктивных построений» в изучении коммуникации, является, так сказать, внутренней, ингерентной для дедуктивного подхода вообще, то вторая причина, делающая акцент не на понятии «дедуктивный», а на «сейчас», – скорее внешней: возможно, дело не в том, что дедуктивный подход сам по себе плох, а в том, что «сейчас не время» его использовать.

Видно, что Алпатов раздражает бум нынешней когнитивистики, концептологии, лингвокультурологии, где очень (слишком?) многое выводится как раз из всевозможных «нестрогих» и традиционно всегда несколько подозрительных для ученого источников: размышлений философов, публицистов, мемуаров эмигрантов, этнических стереотипов, наконец, идеологии. За точкой зрения Алпатова прочитывается закономерное опасение сторонника «чистой науки», что привлечение и серьезное рассмотрение в теоретических контекстах подобных данных сделает взгляд исследователя «ненаучным». Нет необходимости приводить, увы, многочисленные примеры, демонстрирующие, что происходит, когда на смену научности приходит тенденциозность, конъюнктурность, оценочность и их производные: идеологичность, политизация. Ярлык «вульгарный», который добавляют к названию соответствующей науки потомки, является лишь одним из свидетельств того, каково истинное место дисциплины, утратившей научную чистоту, в контексте истории науки.

Но ирония состоит в том, что все названные «опасные вещи» могут как сопровождать использование дедуктивного подхода (быть его следствием либо причиной), так и быть следствием / причиной отказа от такого использования! Увы, не менее легко привести печальные примеры, когда таким же образом дедуктивные обобщения в науке (лингвистике) объявлялись вредными и даже запрещались – причины этого часто были именно внелингвистически-идеологическими.

Назовем эту вторую «внешнюю» причину (напомним, речь идет о возможных причинах того, что, по утверждению Алпатова, сейчас не время для дедуктивных построений в изучении коммуникации) внелингвистической. Истоки ее – языковая политика и «просто» политика.

Кстати, Алпатов прямо говорит, что сам не знает, насколько сейчас пришло – или не пришло время для дедуктивных исследований: «И всё же следовало бы разобраться в том, на каком этапе лингвисты сейчас находятся» [21: 11].

6. ТРЖ и лингвисты

Говоря о том, что дала жанроведению лингвистика, нельзя, конечно, не сказать и о том, что дали жанроведению конкретные лингвисты: является очень большим вкладом целого ряда лингвистов на этапе становления жанроведения в 1980-е – 1990-е гг. (как уже говорилось, на данном этапе вклад лингвистов был несопоставим, например, с вкладом литературоведов). Большинство тех, кого следует назвать в этой связи, являются вполне традиционными лингвистами по своей основной специальности и базовому образованию (включая докторские диссертации), лишь впоследствии пришедшими к жанрам от синтаксиса, лексикологии, стилистики и др.

Так, Т. В. Шмелёва, М. А. Кормилицына, А. Мустайоки, М. Я. Дымарский, Е. Ю. Викторова пришли к РЖ от синтаксиса; Т. В. Матвеева, К. А. Долинин, М. Н. Кожина – функциональной стилистики; В. Е. Гольдин, Т. А. Демешкина – русской диалектологии; О. Б. Сиротина, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова – изучения русской разговорной речи; К. Ф. Седов, В. В. Красных, Е. И. Горошко – психолингвистики и онтопсихолингвистики; В. И. Карасик – социолингвистики; И. А. Стернин, И. А. Тарасова – когнитивной лингвистики; Л. В. Балашова – лексической семантики; В. И. Аннушкин – риторики.

Несколько менее «прямой» путь: М. Ю. Федосюк и А. Д. Шмелев – от изучения референции, в т. ч. имплицитной; Н. Д. Арутюнова – от логического анализа языка; Г. И. Богин – герменевтики; А. Г. Баранов и С. И. Гиндин – лингвопрагматики и текстовых структур; В. Н. Базылев – политлингвистики и теолингвистики.

Все названные лингвисты защитили диссертации, состоялись в науке не как жанроведы.

Есть и противоположные случаи, количество которых, кажется, со временем увеличивается: сегодня уже можно составить немаленький список вполне известных, несомненно значимых для жанроведения ученых, чьи и кандидатские, и докторские диссертации были по жанрам, т. е. являющихся жанроведами по своей основной специальности: А. Н. Байкулова, Е. В. Бобырева, Е. В. Бузальская, Т. Е. Водоватова, Е. Н. Галичкина, Е. Н. Горбачёва, Т. В. Дубровская, Т. В. Ицкович, Е. А. Пономаренко, Н. А. Пром, Т. Г. Рабенко, В. А. Салимовский, Б. Я. Шарифуллин, К. М. Шилихина, М. А. Ширинкина, Л. Ю. Щипицина. Где-то в этом ряду надеется занять свое место и автор настоящей статьи.

Если же назвать всех тех, кто пока не защитил докторскую, но безусловно известен и активно и успешно занимается жанрами,

список будет гораздо больше, и границы его теряются. Назовем пока лишь несколько имен – с нашей точки зрения, наиболее ярких (не хотим никого обидеть, подчеркиваем: список принципиально не полный): это люди, которые защитили кандидатскую диссертацию по жанрам (и, верим, скоро защитят докторскую): А. В. Занадворова, С. Ю. Данилов, О. Н. Дубровская, А. Г. Кириллов, О. В. Кошечева, Е. А. Никишина, В. В. Фенина, И. В. Шерстяных, Ю. В. Щурина, А. А. Юнаковская и мн. др.

7. О роли литературоведения

Нельзя хотя бы кратко не сказать, что дало жанроведению литературоведение, хотя разговор об этом и не входит непосредственно в задачи статьи (необходима отдельная статья «Что дало литературоведение жанроведению?», которая, уверенны, будет скоро написана литературоведом-жанроведом).

Необходимость хотя бы краткого рассмотрения этого аспекта вызвана тем, что лингвистика и литературоведение смыкаются в изучении художественной речи, художественных текстов, а тем самым – художественных жанров.

Говоря вообще, литературоведы решают жанроведческие проблемы:

- развивая **аристотелевско-платоновскую типологию литературных жанров** (уточнение данной типологии и онтологических связей между типами жанров и их вариантов; динамические тенденции и появление новых жанров) (С. С. Аверинцев, Ж.-М. Шеффер, В. В. Прозоров, М. В. Строганов, Л. А. Трахтенберг);

- описывая **конкретные жанры художественной литературы** (или их отдельные аспекты: конкретные единицы, механизмы, категории, смыслы в их составе) литературоведческими методами (повторяем, в этой области литературоведение и лингвистика смыкаются особенно сильно, и среди этой группы исследований есть и осуществленные лингвистическими методами), которые находятся в прямой зависимости от актуальных тенденций как в литературоведении, так и в литературном процессе в целом (ср. формализм, структурализм, экзистенциализм, постмодернизм и т. д. в литературном процессе и в литературоведении) (И. Ю. Иванюшина, С. Ю. Павлова, Т. В. Струкова, В. П. Москвин, В. И. Карасик, Т. Е. Водоватова);

- описывая **творчество** (речь, совокупность текстов) **конкретных авторов с речевой жанровой точки зрения** (О. В. Тимашова, Л. Г. Назарова, В. А. Маслова, Э. Лассан) (данная проблема имеет два аспекта: первый, более близкий к предыдущей проблеме, –

рассмотрение **жанров творчества** того или иного **писателя**, в т. ч. его жанровое новаторство; второй – изображение **жанров общения** в общении **персонажей** художественных произведений того или иного писателя) (второй аспект данной проблемы пересекается с уже упоминавшейся проблемой, имеющей более отчетливое коммуникативно-лингвистическое содержание, – жанры устной речи, изображенные конкретными писателями в общении персонажей их произведений: данную проблему жанроведы активно начали рассматривать уже на ранних этапах развития ТРЖ, начиная с Т. В. Шмелевой, и активно продолжают впоследствии, например, Е. А. Пономаренко);

• описывая литературную деятельность конкретных **изданий, редакций журналов** и т. д. с тоже **речеванровой точки зрения** (Н. В. Новикова).

Заключение

Подчеркнем, что в этой статье, говоря о связи жанроведения и лингвистики, мы весьма последовательно делили лингвистику на «бахтинскую» и «небахтинскую» («добахтинскую»). Подчеркивалось, что именно первая очень много дала ТРЖ.

Впрочем, следует отметить, что и добахтинская лингвистика тоже дала лингвистике не мало, тем более что без нее не было бы и бахтинской.

Кроме того, вероятно (это наше субъективное мнение), сейчас может быть выделена и «постбахтинская лингвистика» – по духу, а не по методам и т. п. к ней могут быть отнесены такие активно развивающиеся направления XXI в., как «лингвомаркетология», лингвонаукометрия, лингвоцифровизация [44–

48] (кстати, все они совсем не исключают ни изучения РЖ, ни наличия каких-то своих особых РЖ). На термине «постбахтинская лингвистика» мы не настаиваем и не призываем точно определить содержание и границы именуемого им круга явлений. Понятно, что по формальным показателям к постбахтинской лингвистике можно отнести все направления лингвистики, возникшие хронологически позже Бахтина (и непосредственной адаптации его идей лингвистикой) и не связанные с ним ни по духу, ни по методике, ни по терминологии (например, когнитивную лингвистику).

Ставя в начале статьи вопрос, что дала лингвистика жанроведению, мы предполагали, что, во-первых, лингвистика неоднородна – как синхронно, так и диахронически (этапы), а значит, будут выделяться качественно разные линии взаимовлияния; во-вторых, что собственно лингвистикой ограничиться не удастся – хотя бы потому, что многие лингвистические дисциплины, много давшие жанроведению, имеют принципиально междисциплинарный характер: психолингвистика, социолингвистика, лингвистика текста и т. д., поэтому рано или поздно в наше рассмотрение попадут и другие науки (что и произошло: речь уже шла о литературоведении, на очереди – другие науки: (когнитивная) психология и исследования по искусственному интеллекту, наукометрия и корпусные исследования, юриспруденция, теология, PR, IT...) (о некоторых возможных решениях см. [49, 50]). Их много, но главными по-прежнему остаются *лингвистика* и *литературоведение*, иначе говоря – *филология*, еще иначе – *словесность* (напомним, по Бахтину речевой жанр = *жанр словесности*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Что дало жанроведение современной лингвистике? // *Жанры речи*. 2020. № 3 (27). С. 172–194. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>
2. Везжица А. Речевые жанры // *Жанры речи* : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 99–111.
3. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // *Жанры речи* : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
4. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // *Вопросы языкознания*. 1997. № 5. С. 102–120.
5. Дементьев В. В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // *Вопросы языкознания*. 1997. № 1. С. 109–121.
6. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).

7. Дементьев В. В. Жанры в меняющемся мире : креационистские потенциалы речевых жанров и эпистемологические потенциалы теории речевых жанров // *Жанры речи*. 2019. № 1 (21). С. 6–21. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>

8. Седов К. Ф. Анатомия жанров бытового общения // *Вопросы стилистики*. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1998. Вып. 27. С. 9–20.

9. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // *Антология речевых жанров : повседневная коммуникация*. М. : Лабиринт, 2007. С. 7–38.

10. Седов К. Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика // *Жанры речи* : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык. С. 23–40.

11. Гольдин В. Е. Проблемы жанроведения // *Жанры речи* : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 4–6.

12. Долинин К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // *Жанры речи* : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 7–13.

13. Кожина М. Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 52–61.
14. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2002. 235 с.
15. Дённингхаус С. Теория речевых жанров М. М. Бахтина в тени прагмалингвистики // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 104–117.
16. Москвин В. П. К соотношению понятий «речевой жанр», «текст» и «речевой акт» // Жанры речи. Саратов : ИЦ «Наука», 2005. Вып. 4. С. 63–76.
17. Гиндин С. И. Болевые точки теории речевых жанров // Русский язык сегодня. Вып. 6 : Речевые жанры современного общения : сб. докл. М. : Ин-т рус. языка РАН им. В. В. Виноградова, 2015. С. 55–61.
18. Маслова В. А. Теория речевых жанров сквозь призму современной лингвистики // Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 6–11. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-6-11>
19. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 5 т. М. : Языки русской культуры, 1996. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. С. 159–206.
20. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 351 с.
21. Алпатов В. М. О двух «детских болезнях» современной лингвистики (язык, идеология, речевые жанры) // Жанры речи. 2014. № 1–2(9–10). С. 9–15.
22. Алпатов В. М. Что и как изучает языкознание // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 7–21.
23. Дементьев В. В. Статья по жанрам речи в журнале «Жанры речи» как... жанр речи? // Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 12–33. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-12-33>
24. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс : ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 40 с.
25. Ицкович Т. В. Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 42 с.
26. Пром Н. А. Фактуализация реальности в медиа-дискурсе : характеристики, типы, способы выражения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2021. 40 с.
27. Ширинкина М. А. Письменный дискурс исполнительной власти в жанрово-стилистическом аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2021. 40 с.
28. Лебедева Н. Б. Жанры естественной письменной речи // Антология речевых жанров : повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 116–123.
29. Лебедева Н. Б., Зырянова Е. Г., Плаксина Н. Ю., Тюкаева Н. И. Жанры естественной письменной речи : Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М. : URSS, 2011. 256 с.
30. Рабенко Т. Г. Жанры естественной письменной русской речи в вариантологическом аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2018. 50 с.
31. Дементьев В. В. «Анкета речевого жанра» Т. В. Шмельовой : прошлое, настоящее, будущее (к 30-летию жанроведческой модели) // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 252–262. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>
32. Дементьев В. В. Аспекты проблемы «жанр и язык» : жанры речи и... «язык речи»? // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык. С. 5–22.
33. Киреева Е. З. О возможностях словаря «Ответные реплики в русской диалогической речи» В. Т. Бондаренко // Жанры речи. 2020. № 4(28). С. 317–324. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-317-324>
34. Орлова Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка». К вопросу о соотношении стиля и жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 51–56.
35. Байрамуков Р. М. Соотношение первичных и вторичных жанров в художественной сфере общения // Stylistyka XI. Opole, 2002. S. 291–306.
36. Сиротинина О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 26–31.
37. Анисимова Т. В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000. 40 с.
38. Ярмаркина Г. М. Обыденная риторика : просьба, приказ, предложение, убеждение, уговоры и способы их выражения в русской разговорной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001. 20 с.
39. Дементьев В. В., Фенина В. В. Когнитивная генеристика : внутрикультурные речевые ценности // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. С. 5–34.
40. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград : Перемена, 2004. 340 с.
41. Слышкин Г. Г. Речевой жанр : перспективы концептологического анализа // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2005. Вып. 4. С. 34–49.
42. Бесемерес М. Разные языки, разные эмоции? Взгляд через призму автобиографической литературы // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык. С. 208–230.
43. Дементьев В. В. Еще раз о дедукции в коммуникативистике : реплика по поводу статьи В. М. Алпатова о «детских болезнях» современной лингвистики // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 152–158.
44. Белоусов К. И., Зелаянская Н. Л. Применение метода графосемантического моделирования в лингво-маркетинговых исследованиях // Вестник ОГУ. 2005. № 8. С. 40–46.
45. Голев Н. Д., Яковлева О. Е. Язык как ответственность (к основаниям лингво-маркетинговой концепции языка) // Юрислингвистика-10 : лингвоконфликтология и юриспруденция. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 75–83.
46. Бочарникова Н. В. Перевод названий текстов массовой культуры как инструмент лингвистического маркетинга : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 20 с.
47. Чернявская В. Е. Корпусно-ориентированный дискурсивный анализ идентичности российского университета 3.0 // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2019. № 58. С. 97–114.
48. Молодыхенко Е. Н. Коммуникативно-прагматические особенности «лайфстайл-инструкции» как интернет-жанра в культуре потребления // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2019. № 57. С. 79–102.

49. Дементьев В. В. Речевые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2016. 396 с.

50. Балашиха Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : Издательский дом ЯСК, 2022. 832 с. (Studia Philologica).

REFERENCES

1. Demytyev V. V. What Have Genre Studies Given to Modern Linguistics? *Speech Genres*. 2020, no. 3 (27), pp. 172–194 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>
2. Wierzbicka A. Speech genres. *Zhany rech'i : sb. nauch. st.* [Speech Genres : col. of sci. works]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 99–111 (in Russian).
3. Shmeleva T. V. Model of speech genre. *Zhany rech'i : sb. nauch. st.* [Speech Genres : col. of sci. works]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).
4. Fedosyuk M. Yu. Unsolved problems in the theory of speech genres. *Topics in the Study of Language*, 1997, no. 5, pp. 102–120 (in Russian).
5. Demytyev V. V. The study of speech genres. A review of works in modern Russistics. *Topics in the Study of Language*, 1997, no. 1, pp. 109–121 (in Russian).
6. Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, Znack Publ., 2010. 600 p. (in Russian).
7. Demytyev V. V. Genres in Changing World : Creationistic Potentials of Speech Genres and Epistemological Potentials of the Theory of Speech Genres. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 6–21 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>
8. Sedov K. F. Anatomy of the genres of everyday communication. *Questions of Stylistics*. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1998, iss. 27, pp. 9–20 (in Russian).
9. Sedov K. F. Man in the genres of modern communication space. In: *Antologiya rechevykh zhanrov : povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of Speech Genres : Daily Communication]. Moscow, Labirint Publ., 2007, pp. 7–38 (in Russian).
10. Sedov K. F. Linguistics. Speech studies. Genistics. *Zhany rech'i : sb. nauch. st.* [Speech Genres : col. of sci. works]. Saratov, ITs "Nauka" Publ., 2009, iss. 6. Genre and language, pp. 23–40 (in Russian).
11. Goldin V. E. Problems of genre studies. *Zhany rech'i : sb. nauch. st.* [Speech Genres : col. of sci. works]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1999, iss. 2, pp. 4–6 (in Russian).
12. Dolinin K. A. Speech Genres as means of organization of social interaction. *Zhany rech'i : sb. nauch. st.* [Speech Genres : col. of sci. works]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", iss. 2, pp. 7–13 (in Russian).
13. Kozhina M. N. Speech genre and speech act : some aspects of the problem. *Zhany rech'i : sb. nauch. st.* [Speech Genres : col. of sci. works]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1999, iss. 2, pp. 52–61 (in Russian).
14. Salimovskiy V. A. *Zhany rech'i v funktsionalno-stilisticheskoy osveschenii* [Genres of speech in functional and stylistic aspects]. Perm, Izd-vo Perm. un-ta, 2002. 235 p. (in Russian).
15. Dönninghaus S. M. M. Bakhtin's theory of speech genres in the shadow of linguistic pragmatics. *Zhany rech'i : sb. nauch. st.* [Speech Genres : col. of sci. works]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 2002, iss. 3, pp. 104–117 (in Russian).
16. Moskvina V. P. On the relationship of the concepts of "speech genre", "text" and "speech act". *Zhany rech'i : sb. nauch. st.* [Speech Genres : col. of sci. works]. Saratov : ITs "Nauka" Publ., 2007, iss. 4, pp. 63–76 (in Russian).
17. Gindin S. I. Pain points of the theory of speech genres. *Russian language today. Vol. 6 : Speech Genres of modern communication*. Moscow, In-t rus. yazyka RAN im. V. V. Vinogradova, 2015, pp. 55–61 (in Russian).
18. Maslova V. A. Speech Genre Theory Through the Prism of Modern Linguistics. *Speech Genres*, 2021, no. 1 (29), pp. 6–11 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-6-11>
19. Bakhtin M. M. Problem of speech genres. *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenij : v 5 t. T. 5. Raboty 1940–1960 godov* [Collected works : in 5 vols. Vol. 5. Works of 1940–1960]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996, pp. 159–206 (in Russian).
20. Gasparov B. M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996. 351 p. (in Russian).
21. Alpatov V. M. About two "childhood diseases" of modern linguistics (language, ideology, speech genres). *Speech Genres*, 2014, no. 1-2 (9-10), pp. 9–15 (in Russian).
22. Alpatov V. M. What and how studies linguistics. *Topics in the Study of Language*, 2015, no. 3, p. 7–21 (in Russian).
23. Demytyev V. V. An article on speech genres in the "Speech Genres" journal as ... a speech genre? *Speech Genres*, 2021, no. 1 (29), pp. 12–33 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-12-33>
24. Bobyreva Ye. V. *Religioznyy diskurs : tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya)* [Religious Discourse : values, genres, strategy : based on the Orthodox Faith]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Volgograd, 2007. 40 p. (in Russian).
25. Itskovich T. V. *Zhanrovaya sistema religioznogo stilya na kommunikativno-pragmaticheskom i kategori-alno-tekstovom osnovaniyah* [The genre system of religious style on the communicative-pragmatic and categorical-text reason]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Ekaterinburg, 2016. 42 p. (in Russian).
26. Prom N. A. *Faktualizatsiya real'nosti v mediadiskurse : kharakteristiki, tipy, sposoby vyrazheniya* [Actualization of reality in media discourse : characteristics, types, ways of expression]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Volgograd, 2021. 40 p. (in Russian).
27. Shirinkina M. A. *Pis'mennyy diskurs ispolnitel'noy vlasti v zhanrovo-stilisticheskom aspekte* [Written discourse of the executive branch in the genre and stylistic aspect]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Perm, 2021. 40 p. (in Russian).
28. Lebedeva N. B. Genres of natural writing. In: *Antologiya rechevykh zhanrov : povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres : everyday communication]. Moscow, Labirint Publ., 2007, pp. 116–123 (in Russian).
29. Lebedeva N. B., Zyryanova Ye. G., Plaksina N. Yu., Tyukayeva N. I. *Zhany yestestvennoy pis'mennoy rech'i : Studencheskoye graffiti, marginal'nyye stranitsy tetradey, chastnaya zapiska* [Genres of natural writing : Student graffiti, marginal pages of notebooks, private note]. Moscow, URSS Publ., 2011. 256 p. (in Russian).

30. Rabenko T. G. *Zhanry yestestvennoy pis'mennoy russkoy rechi v variantologicheskom aspekte* [Genres of natural written Russian language in the variantological aspect]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Kemerovo, 2018. 50 p. (in Russian).
31. Demytyev V. V. "Questionnaire of a Speech Genre" of T. V. Shmeleva : Past, Present, Future (for the 30th Anniversary of the Genre Model). *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 252–262 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>
32. Demytyev V. V. Aspects of the problem "genre and language" : the genres of speech and ... "language of speech"? *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : col. of sci. works]. Saratov, ITs "Nauka" Publ., 2009, iss. 6, pp. 5–22 (in Russian).
33. Kireeva E. Z. On Opportunities of Dictionary "Response Remarks in Russian Dialogic Speech" by V. T. Bondarenko. *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 317–324 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-317-324>
34. Orlova N. V. Genres speaking and their "stylistic treatment" : the question of the relationship of style and genre]. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : col. of sci. works]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 51–56.
35. Bayramukov R. M. The relation between primary and secondary genres in the artistic field of communication. *Stylistyka XI*. Opole, 2002, pp. 291–306 (in Russian).
36. Sirotinina O. B. Some reflections on the terms "speech genre" and "rhetorical genre". *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. of sci. works]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1999, iss. 2, pp. 26–31 (in Russian).
37. Anisimova T. V. *Tipologiya zhanrov delovoy rechi (ritoricheskiy aspekt)* [Typology of genres of business speech (rhetorical aspect)]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Krasnodar, 2000. 40 p. (in Russian).
38. Yarmarkina G. M. *Obydennaya ritorika : pros'ba, prikaz, predlozheniye, ubezhdeniye, ugovory i sposoby ikh vyrazheniya v russkoy razgovornoy rechi* [Ordinary rhetoric : request, order, suggestion, persuasion, persuasion and ways of their expression in Russian speaking]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2001. 20 p. (in Russian).
39. Demytyev V. V., Fenina V. V. Cognitive Genristics : innercultural speech genres values. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : col. of sci. works]. Saratov, ITs "Nauka" Publ., 2005, iss. 4, pp. 5–34 (in Russian).
40. Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty* [Linguistic-cognitive concepts and metaconcepts]. Volgograd, Peremena Publ., 2004. 128 p. (in Russian).
41. Slyshkin G. G. Speech genre : Prospects of conceptology analysis. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : col. of sci. works]. Saratov, ITs "Nauka" Publ., 2005, iss. 4, pp. 34–49 (in Russian).
42. Besemeres M. Different Languages, Different Emotions? Perspectives from autobiographical literature. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : col. of sci. works]. Saratov, ITs "Nauka" Publ., 2009, iss. 6. Genre and language, pp. 208–230.
43. Demytyev V. V. Once again about deduction in communication science : a remark on the article by V. M. Alpatova on the "childhood diseases" of modern linguistics. *Speech Genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 152–158 (in Russian).
44. Belousov K. I., Zelyanskaya N. L. Application of the method of graposemantic modeling in linguistic marketing research. *Vestnik of the Orenburg State University*, 2005, no. 8, pp. 40–46 (in Russian).
45. Golev N. D., Yakovleva O. E. Language as property (to the foundations of the linguo-marketing concept of language). In: *Yurislingvistika-10 : lingvokonfliktologiya i yurisprudentsiya* [Juristic Linguistics 10 : linguo-conflictology and jurisprudence]. Kemerovo, Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta, 2010, pp. 75–83 (in Russian).
46. Bocharnikova N. V. *Perevod nazvaniy tekstov massovoy kul'tury kak instrument lingvisticheskogo marketinga : avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Translation of titles of texts of mass culture as a tool of linguistic marketing]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2014. 20 p. (in Russian).
47. Chernyavskaya V. E. Corpus-oriented discourse analysis of the identity of a Russian university 3.0. *Filologiya – Tomsk State University Journal*, 2019, no. 58, pp. 97–114 (in Russian).
48. Molodychenko E. N. "Lifestyle Instruction" as an Internet Genre in Consumer Culture : A Communicative-Pragmatic Perspective. *Filologiya – Tomsk State University Journal*, 2019, no. 57, pp. 79–102 (in Russian).
49. Demytyev V. V. *Rechezhanrovyye kommunikativnyye tsennosti v novykh i noveyshikh sferakh russkoy rechi* [Speech genre communicative values in the new and newest spheres of Russian speech]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2016. 396 p. (in Russian).
50. Balashova L. V., Demytyev V. V. *Russkiye rechevyye zhanry* [Russian speech genres]. Moscow, LRC Publishing house, 2022. 832 p. (Studia Philologica) (in Russian).

Поступила в редакцию 25.07.2021; одобрена после рецензирования 13.09.2021; принята к публикации 07.10.2021
The article was submitted 25.07.2021; approved after reviewing 13.09.2021; accepted for publication 07.10.2021